

«Акция против негерманского духа» 1933 г. как коммеморативный ритуал

Илья А. Женин

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ, Москва, Россия; ilya-zhenin@yandex.ru*

Аннотация. В статье анализируется «Акция против негерманского духа», организованная национал-социалистическим немецким студенчеством начавшаяся в апреле 1933 г. и закончившаяся 10 мая публичным сожжением книг в Берлине и во многих других городах Германии, как коммеморативный ритуал. Автор исходит из того, что подобного рода действия преследовали с одной стороны практическую цель – подчинение академического сообщества в рамках политики унификации, а с другой – носили отчетливо выраженный символический характер и были призваны подкрепить легитимацию национал-социалистической диктатуры, а также продемонстрировать своего рода преемственность действий, направленных на «очищение» германского духа. Это нашло свое подтверждение в отсылке к Вартбургскому празднеству, устроенному немецким студенчеством в 1817 г., а через него к публичному сжиганию Мартином Лютером папской буллы в 1520 г. Тем самым сожжение книг 10 мая 1933 г. встраивалось в нормативное поле немецкой историко-культурной традиции. Это действие рассматривалось в качестве ритуальной практики и закреплялось как символ, который обладал положительными коннотациями, для формирования необходимых идеологических коллективных представлений значительной части населения.

Ключевые слова: Акция против негерманского духа, Aktion wider den undeutschen Geist, сожжение книг, немецкий студенческий союз, Deutsche Studentenschaft, коммеморативный ритуал

Для цитирования: Женин И.А. «Акция против негерманского духа» 1933 г. как коммеморативный ритуал // Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». 2018. № 10 (43). С. 143–152.

“Action against the non-German spirit” in 1933 as a commemorative ritual

Ilya A. Zhenin

*Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration, Moscow, Russia; ilya-zhenin@yandex.ru*

Abstract. The article analyzes the “Aktion wider den undeutschen Geist” organized by the German Student Union, which began in April 1933 and ended on the 10th of May with the public book burnings in Berlin and in many other German cities as a commemorative ritual. The author proceeds from the fact that such actions pursued on the one hand a practical purpose – the subordination of the academic community in the framework of the policy of Gleichschaltung (unification), and on the other – were clearly symbolic and were designed to reinforce the legitimacy of the national socialist dictatorship, as well as to demonstrate a kind of continuity of actions aimed at “purification” of the German spirit. That was confirmed in a reference to the Wartburg festival, organized by German students in 1817, and through it to the public burning of Martin Luther’s papal bull by Martin Luther in 1520. Thus, the burning of books on May 10, 1933 was built into the normative field of the German historical and cultural tradition. The action was considered as a ritual practice and was fixed as a symbol, with positive connotations, for the formation of the necessary ideological collective ideas of a large part of the population.

Keywords: Action against the non-German spirit, Aktion wider den undeutschen Geist, book burnings, German student Union, Deutsche Studentenschaft, commemorative ritual

For citation: Zhenin IA. “Action against the non-German spirit” in 1933 as a commemorative ritual. *RSUH/RGGU Bulletin. “History. Philology. Cultural Studies. Oriental Studies” Series*, 2018;10:143–52.

Введение

Приход к власти Адольфа Гитлера в январе 1933 г. и установление национал-социалистической диктатуры в Германии происходили в условиях реформирования правового поля и были сопряжены с рядом событий, носившими скорее символический

характер, суть которых сводилась к обеспечению легитимации режима и его идеологии в публичном пространстве. Особое внимание при этом уделялось сфере культуры, образования и науки. Взаимодействие общественных организаций и партийных и государственных структур формируют то проблемное поле, которое позволяет с одной стороны выявить уровни взаимодействия, с другой – очертить те символы прошлого, которые наделялись смыслом в настоящем посредством коллективно исполняемых практик. Таким примером, в котором прослеживается переплетение всех вышеизложенных линий, является сожжение книг в университетских городах Германии в мае 1933 г., проходившее в рамках «Акции против негерманского духа» (*Aktion wider den undeutschen Geist*). Анализ этого события посредством теоретических установок Дюркгейма и Хальбвакса о понятии исторической памяти позволяет рассмотреть данный эпизод как коммеморативный ритуал, суть которого сводится к тому, чтобы при помощи прошлого влиять на коллективные представления в настоящем, затрагивая не только идеологические установки, но и формируя в том числе эмоциональное состояние членов сообщества [1 с. 374–391; 2].

Немецкий студенческий союз

Первая мировая война значительным образом повлияла и на настроения, которые существовали в студенческой среде в годы первой немецкой республики. Отражение пережитого военного опыта (фронтовой дух, сплоченность, чувство солдатского сообщества) обнаруживало себя как в приватной сфере, так и в публичном пространстве. Сочетание радикально народнических фёлькиш установок, идеалистических представлений о «народном духе» и антисемитских воззрений станет основным лейтмотивом антидемократического и антиреспубликанского дискурса значительной части немецкого студенчества в период Веймарской республики [3 с. 37].

Немецкий студенческий союз (*Deutsche Studentenschaft*) возник 17 июля 1919 г. на учредительном съезде в Вюрцбурге, на котором было решено преодолеть старые конфликты и разногласия различных студенческих корпораций (*буршеншафт*) и действовать сообща в рамках созданной организации. Делегаты представляли не только высшие учебные заведения, находившиеся непосредственно на территории Германии, но и те, которые оказались за ее пределами, относясь при этом к немецкоязычному культурному пространству. География деятельности организа-

ции, таким образом, охватывала также Австрию, Чехословакию (Судетская область) и Данциг. В этом смысле деятельность союза имела выраженный политический характер, стремясь преодолеть ограничения, наложенные на Германию и Австрию Версальским и Сен-Жерменским договорами. Тем самым союз изначально придерживался идеи великогерманского единства, реализуя ее с помощью горизонтальных интеграционных механизмов, имеющихся у общественных организаций, что должно было служить сплоченности германской академической молодежи.

Организация состояла из общих студенческих комитетов, которые делегировали своих представителей в центральный комитет, в ведении которого находились исполнительные полномочия. Большое значение придавалось съездам (Studententag), на которых происходили выборы состава исполнительного комитета и главы союза, определялся план работы и пути развития организации в дальнейшем.

На съезде в Граце в июле 1931 г. большинством голосов председателем Союза был избран Вальтер Линау, входивший в Национал-социалистический немецкий студенческий союз (Nationalsozialistischer Deutscher Studentenbund), который возник в 1926 г. как студенческая организация при Национал-социалистической рабочей партии Германии (НСДАП). Окончательное инкорпорирование Немецкого студенческого союза в партийную структуру НСДАП произошло в 1936 г., когда было введено «имперское студенческое руководство» (Reichsstudentenführung).

«Акция против негерманского духа»

В декабре 1931 г. из-за конфликта с Бальдуrom фон Ширахом, курировавшим в НСДАП молодежную политику, Вальтер Линау покинул пост председателя Немецкого союза студентом. Его преемником на этом посту стал Герхард Крюгер, который и инициировал проведение «Акции против негерманского духа» в апреле 1933 г.

После прихода к власти национал-социалисты начинают вести политику подчинения всех сфер жизни государства собственной идеологии. Процесс установления контроля над всеми общественными и политическими институтами, получивший название *Gleichschaltung*, проходил не только на законодательном уровне, но и включал в себя ритуально-символические действия, ориентированные на укрепление одних мифологических конструкций и де-

мифологизацию других. В частности, это нашло свое отражение в борьбе с антинемецкими проявлениями в искусстве и литературе и провозглашении возврата к исконным немецким идеалам, к германскому духу и ценностям.

Именно в этой логике необходимо рассматривать одно из ключевых событий первых месяцев нахождения нацистов у власти – «Акцию против негерманского духа» – и совершенное в ее рамках сожжение книг перед Берлинским университетом 10 мая 1933 г. Это был жест, преследовавший как минимум две цели: на практическом уровне – подчинение университетов и контроль за академическим и студенческим сообществом; на символическом уровне – «очищение» германской науки, искусства и литературы от «чуждых» ей элементов.

Первый этап «Акции против негерманского духа» заключался в создании и распространении плакатов «12 тезисов против негерманского духа», где были перечислены антисемитские и антилиберальные призывы, суть которых сводилась к «очищению» народного немецкого духа от навязанных ему извне ценностей. 13 апреля 1933 г. плакаты, набранные фразатурным шрифтом и подписанные от лица немецкого студенчества, были развешены в высших учебных заведениях Германии. Следует отметить, что инициатива проведения «Акции против негерманского духа» целиком исходила от руководства Немецкого студенческого союза, министерство пропаганды взяло на себя лишь расходы по производству и печати этих плакатов. Помимо этого в рамках Акции активисты Немецкого студенческого союза отслеживали выполнение закона о восстановлении профессионального чиновничества от 7 апреля 1933 г., в соответствии с которым государственные служащие должны были иметь арийское происхождение. Этот закон затрагивал и профессорско-преподавательский состав, т. к. обычные профессора являлись чиновниками. Представители союза бойкотировали и срывали занятия преподавателям еврейского происхождения [4 с. 508].

Вторым этапом стало сожжение книг в 18 университетских городах Германии, где центральное место отводилось шествию в Берлине на Опернплатц перед зданием Берлинского университета 10 мая 1933 г. В отдельных городах основными участниками были не только студенты, но и члены СА и СС, а также активисты Гитлерюгенда. В то же время следует отметить, что были и исключения, так, например, единственным университетом, где на официальном уровне был заявлен отказ в проведении данного мероприятия, стал Тюбингенский университет [5 с. 169].

Особое значение в этой акции придавалось Берлинскому университету, который олицетворял собой не только ведущий научный и образовательный центр, но и столичную институцию, которой после унификации и отказа от федерализма отводилась особая роль. Именно он должен был служить образцом для всех высших учебных заведений Германии. В этом смысле сожжение книг имело не только публичное политическое выражение, но также было призвано продемонстрировать подчинение национал-социалистической идеологии всех сфер бытования, в данном случае в образовании, науке и культуре.

Неслучайно тогда же, в начале 1933 г. кафедру философии и политической педагогики в Берлинском университете возглавил профессор Альфред Боймлер, относившийся к основателям национал-социалистического «Союза борьбы за немецкую культуру». Свою лекцию, посвященную вступлению в должность, он произнес вечером 10 мая 1933 г., после чего призвал всех присоединиться к демонстрации «нового народного духа» на Опернплац, где уже были заготовлены книги, которые предстояло сжечь. Свое выступление он закончил следующими словами: «Начинается новая эпоха. Эпоха Средневековья, эпоха душевной привязанности и духовного руководства осталась позади нас. Мы больше не признаем власти, которая является одновременно духовной и политической, у нас нет Папы, у нас есть фюрер... Но за нами осталась и эпоха Нового времени, эпоха свободы совести, индивидуализма. Мы никому не простим, кто нападает и отвергает наши символы, в которых проявляется наше единство. Сейчас они направятся, чтобы сжечь книги, в которых чуждый нам дух использовал немецкое слово, чтобы побороть нас. То, от чего мы сегодня избавляемся, – это токсины, которые накопились в период ложного терпения» [6 с. 146].

Примечательным представляется противопоставление римского понтифика и фюрера. По сути, это и есть тот троп, который должен был отсылать к традициям немецкого студенчества, борющегося за единство нации и отстаивающего идею германского духа. Идеализированный и мифологизированный образ исторического пути Германии и германства (*Deutschtum*) стал одним из ключевых идеологических императивов националистов. Ритуально-символического содержания акции имело отсылку к созданному классической немецкой историографией XIX столетия мифологическому образу Мартина Лютера как непримиримого борца и героического носителя немецкой религиозной глубины и противника усиления западного влияния [7 с. 651–655]. В данном случае вслед за В.Н. Топоровым «уместно понимать миф скорее как ту смысло-

строительную конструкцию, которая вполне может быть осознана, понята и использована в контексте мифо-ритуального целого, где в архаичной триаде мысль—слово—дело как бы снимается противопоставление составляющих ее членов, и которая приобретает статус некоей общезначимой парадигмы – как сознания, так и поведения» [8 с. 476–477]. Мифологические представления о Лютере, бросившего в огонь папскую буллу¹, в которой осуждались его действия и проповеди, вдохновили немецкое студенчество на воспроизведение этого жеста 18 октября 1817 г. во время проведения «Вартбургского праздника» (Wartburgfest), а затем и в 1933 г.

Торжественные мероприятия в Вартбурге были посвящены 300-летию юбилею начала Реформации и 4-летней годовщине битвы народов под Лейпцигом. В них приняло участие 500 студентов-протестантов из 12 университетов германских земель, подавляющая часть которых была из Йены. Девизом этого собрания стал лозунг «Свобода, честь, отечество», что являлось основной идеей немецкого единства, которого добивалось студенчество. М. Лютер в данном случае олицетворял революционера-патриота и рассматривался как некий символ национального единства. Студенты устроили факельное шествие, которое заканчивалось пламенем победы. Фридрих Людвиг Ян, один из лидеров радикального крыла студенческого движения, предложил устроить символическое сжигание непатриотической литературы. Тогда в огне оказались Кодекс Наполеона, книги Теодора фон Шмальца, директора Берлинского университета Фридриха-Вильгельма, сочинение «История Германского рейха» Августа Коцебу, «Германомания» Саула Ашера [9].

Ритуальные жесты Вартбургского праздника стали символами преодоления партикулярного мировоззрения и стремления к созданию единого немецкого отечества, построенного на либеральных основаниях. Показательно, что в консервативной немецкой историографии XIX – первой четверти XX в. этот эпизод рассматривался как недопустимый и маркировался как проявление «сомнительного тщеславия и якобинского нетерпимости» [10 с. 420].

Таким образом, «Акция против негерманского духа», воспроизводя жесты Лютера и Вартбургского праздника и совершая тем самым коммеморативный ритуал, меняла содержательные оценки и коннотации исторических репрезентативных образов: то, что раньше рассматривалось как символ свободы и преодоления мо-

¹ 10 декабря 1520 г. бросил в огонь буллу папы Льва X “Exsurge Domine”, отлучавшую его от Церкви.

нархического партикуляризма немецких земель, стало символом создания новой Германии, «свободной» от чуждых ей элементов непатриотического содержания, т. е. тех, кто не вписывался в идеологические схемы и императивы национал-социализма. Это и пытались показать участники «Акции против негерманского духа», бросая в огонь книги, которые, по их мнению, не отвечают истинным патриотическим и национальным установкам.

В акции 10 мая 1933 г. принял участие имперский министр пропаганды Йозеф Геббельс, отметивший, что «в свете костра из горящих книг должна погибнуть и духовная основа Ноябрьской республики» [11 с. 110]. Это не было какой-то программной речью, посвященной новой культурной политике, как и не было безудержным и агрессивным нападением на интеллектуальных противников. Скорее это была импровизация на тему «национал-социалистической революции». Создается впечатление, что Геббельс не придавал большого значения этой акции. В своем дневнике он лишь вскользь упомянул события 10 мая: «Потом поздним вечером речь на Опернплац. Сожжение студентами грязных и бульварных книг (Schmutz – und Schundbücher). Я в лучшей форме. Небывалое скопление людей. Дома. Усталый в кровати. На улице сегодня начинается чудесное лето» [12 с. 800–801].

Заключение

Таким образом, «акция против негерманского духа», с одной стороны, провозглашала преемственность немецкого исторического пути от М. Лютера к А. Гитлеру, с другой – сожжение книг должно было свидетельствовать не о варварстве, а напротив, отсылать к истокам немецкой самобытности и подчеркивать исключительность немецкой культуры. Вовлечение населения в подобного рода процессы способствовало установлению дополнительных оснований для легитимации режима посредством встраивания национал-социализма в нормативные рамки исторического пути Германии как обособленного и борющегося за отстаивание и возрождение «германского духа», что, в свою очередь, приводило к определению ключевых символов и/или символических фигур, имевших сакральный характер, вокруг которых выстраивались групповая солидарность и историческая преемственность.

Литература

1. *Durkheim E.* The Elementary Forms of Religious Life. NY: The Free Press, 1995. 464 p.
2. *Misztal B.* Durkheim on Collective Memory // *Journal of Classical Sociology*. 2003. № 3. P. 123–143.
3. *Lönnecker H.* „Vorbild ...für das kommende Reich“. Die Deutsche Studentenschaft (DSt) 1918–1933 // *GDS-Archiv für Hochschul- und Studentengeschichte*, Bd. 7. Köln: SH, 2004. S. 37–53.
4. *Sauder G.* Die Bücherverbrennung. Zum 10. Mai 1933. München, Wien: Hanser Verlag 1983. 339 S.
5. *Verweyen T.* Bücherverbrennungen. Eine Vorlesung aus Anlaß des 65. Jahrestages der Aktion „Wider den undeutschen Geist“. Heidelberg: Universitätsverlag C. Winter, 1999. 237 S.
6. *Шиллинг X.* Мартин Лютер Бунтарь в эпоху потрясений. М.: Изд-во ББИ, 2017. 710 с.
7. *Топоров В.Н.* Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического: Избранное. М.: Языки славянских культур, 1995. 624 с.
8. *Hardtwig W.* Zivilisierung und Politisierung. Die studentische Reformbewegung 1750–1818 // *Darstellungen und Quellen zur Geschichte der deutschen Einheitsbewegung im neunzehnten und zwanzigsten Jahrhundert*. Bd. 14. Heidelberg: Universitätsverlag C. Winter, 1995. S. 31–61.
9. *Хаазер Р.* От братства по оружию к идеологической вражде: политизация университетской жизни в Германии и образ России в национальном движении 1813–1819 годов // *История и историческая память: Межвуз. сб. науч. тр.* Саратов; Ставрополь: Саратов. гос. ун-т; СКФУ, 2012. Вып. 6. С. 31–62.
10. *Treitschke H.* Deutsche Geschichte im Neunzehnten Jahrhundert. Bd. 2. Leipzig: Heldel Verlag, 1927. 628 S.
11. *Goebbels Reden / H. Heiber (Hrsg.)* Bd. 1. 1932–1939. Düsseldorf: Droste Verlag, 1971. 337 S.
12. *Goebbels J.* Tagebücher: 1930–1934: 5 Bd. Bd. 2. München: Piper, 2008. 411 S.

References

1. *Durkheim E.* The Elementary Forms of Religious Life. NY: The Free Press, 1995. 464 p.
2. *Misztal B.* Durkheim on Collective Memory. *Journal of Classical Sociology*. 2003;3:123-43.
3. *Lönnecker H.* “Vorbild ... für das kommende Reich”. Die Deutsche Studentenschaft (DSt) 1918–1933. V: *GDS-Archiv für Hochschul- und Studentengeschichte*. Bd. 7. Köln: SH, 2004. S. 37–53.

4. Sauder G. Die Bücherverbrennung. Zum 10. Mai 1933. Wien: Hanser Verlag 1983. 339 S.
5. Verweyen T. Bücherverbrennungen. Eine Vorlesung aus Anlaß des 65. Jahrestages der Aktion "Wider den undeutschen Geist". Heidelberg: Universitätsverlag C. Winter, 1999. 237 S.
6. Schilling H. Martin Luther. A Rebel in an Age of Upheaval. Moscow: BBI Publ.; 2017. 710 p. (In Russ.)
7. Toporov VN. Myth. Ritual. Symbol. Image. Studies in the field of mythopoetic. Selection. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur Publ.; 1995. 624 p. (In Russ.)
8. Hardtwig W. Zivilisierung und Politisierung. Die studentische Reformbewegung 1750–1818 // Darstellungen und Quellen zur Geschichte der deutschen Einheitsbewegung im neunzehnten und zwanzigsten Jahrhundert. Bd. 14.
9. Haazer P. From military brotherhood to ideological war. Politization of the university life in Germany and Russia's image among participants of the national movement of 1813–1819 years. V: *History and Historical Memory*. Interuniversity collection of scientific papers. Saratov; Stavropol': Saratovskii gosudarstvennyi universitet Publ.; Severo-Kavkazskii federal'nyi universitet Publ.; 2012. Iss. 6. S. 31–62. (In Russ.)
10. Treitschke H. Deutsche Geschichte im Neunzehnten Jahrhundert. Bd. 2. Leipzig: Heldel Verlag, 1927. 628 S.
11. Heiber H., Hrsg. Goebbels Reden. Bd. 1. 1932–1939. Düsseldorf: Droste Verlag, 1971. 337 S.
12. Goebbels J. Tagebücher 1930–1934. 5 Bd. Bd. 2. München: Piper, 2008. 411 S.

Информация об авторе

Илья А. Женин, кандидат исторических наук, доцент, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Москва, Россия; Россия, г. Москва, 119571, пр. Вернадского, д. 82, стр. 1; ilya-zhenin@yandex.ru

Information about the author

Ilya A. Zhenin, PhD in History, associate professor, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia; bldg. 1, bld. 84, Vernadsky av., Moscow, 119571, Russia; ilya-zhenin@yandex.ru